

Чужою жить судьбой. Но быть самим собой!

СЕГОДНЯ
СВОЕ 83-летие ОТМЕЧАЕТ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ АКТЕР
ТЕАТРА И КИНО
НАРОДНЫЙ АРТИСТ
РОССИИ ГЕОРГИЙ ШТИЛЬ

После окончания Ленинградского театрального института он пришел в БДТ. Дебютировал в спектакле «Моя старшая сестра» по пьесе Александра Володина. 30 лет проработал под началом Георгия Товстоногова. И продолжает играть в этом театре до сих пор, 54 года! На его счету — более 200 ролей в кино. Среди них «Женя, Женечка и «катюша», «Достояние республики», «Вольный ветер», «Убойная сила»... Мы поздравили Георгия Антоновича с днем рождения и задали несколько вопросов.

ПОСЛЕ «ВАРВАРОВ» ТОВСТОНОВОГА Я РЕВЕЛ

— Георгий Антонович, ваш путь в актеры был достаточно непростым. Прежде чем поступить в театральный, вы ведь пробовали себя в разных профессиях?..

— Да, это так. Я не очень был талантлив к наукам, особенно к математике, физике, геометрии. Поэтому родители устроили меня после школы в техникум машиностроения при заводе Сталина. Первое полугодие я окончил отлично. А потом понял, что попал не туда, — не мое, не интересно. Пошел в летное училище реактивной техники, но на экзамене завалил немецкий. Тогда решил стать моряком и поступил в мореходку. С товарищем Борькой Бобушем — у него папа был адмирал — мы приехали на учебу в Архангельск. Как-то за обедом один из парней что-то сказал про блокаду, мол, выдумки это все, ерунда. Началась потасовка, я выбросил его в окно. И меня турнули. Борька тоже принимал участие в драке, но у него ведь папа адмирал. Я вернулся домой, поступил с другом — Витей Ловчевым — по спецнабору в физкультурный техникум. А оттуда, со второго курса, меня забрали в армию. Уже в армии я прочитал книжку Аркадия Райкина «Смеяться, право, не грешно», которую мне прислал папа. Начал читать басни, выступать перед солдатами. И понял, где нужно себя пробовать...

— Вы относитесь к тому легендарному поколению, которое сейчас уже называют старой школой российского театра. А что для вас эта самая старая школа?

— Вы знаете, я проехал с гастролями шестьдесят стран. Видел английские, немецкие, французские театры. Но ничто не производило на меня такого впечатления, как наши спектакли! Я помню, как первый раз посмотрел «Варваров» Товстоно-

гова, еще до того как туда поступил. Я ревел. И после долго не мог отделаться от этого спектакля. Или «Гамлета» Охлопкова в Москве — шел ночью, и меня трясло. И поэтому, когда пришел в БДТ, я был полон такого благоговения, что если бы любой мне сказал: «Жора, сбегай за водкой» — я бы сбежал. И бегал. Да, это тот самый настоящий русский театр. Школа переживания. Когда актер переживает вместе со зрителем происходящее на сцене. Отдает куски своей жизни. Лет тридцать назад Кирилл Лавров приехал из Парижа, где в свое время были шикарные театры, и сказал: «Во Франции театра больше нет!» То же самое происходит сейчас и у нас в стране...

— Что вы имеете в виду?

— Русский театр идет по стопам европейского. Школа переживания замещается школой представления. На первый план выходит демонстративность. Театрбуфф. Намажу-ка я лицо белым, красным и синим. Ругаться матом начну. Голых женщин выпущу. Или как у Додина в «Короле Лире» — мужчин в прозрачном белье, чтобы все было видно. Поражу публику чем-нибудь эдаким, необычным! В то время как в театре интересна мысль, каждый взгляд! Вот стихотворение Лермонтова «Белеет парус одинокий», о чем оно? О Че Геваре. О человеке, у которого все есть, а он идет сражаться, потому что не может сидеть на месте. Можно прочитать это стихотворение просто с выражением. А можно с мыслями, понимая, о чем ты говоришь!

ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ — ЭТО ВРАНЬЕ

— На всех творческих вечерах вы задаете сами себе вопрос: «Что нужно актеру?» — и всегда отвечаете словами поэта Константина Ваншенкина: «Чужою жить судьбой. Но быть самим собой». Что вы вкладываете в эти слова? Что значит — оставаться самим собой? А как с перевоплощением?

— Значит — не играть другого человека. Быть собой, но в предлагаемых обстоятельствах. Это самое главное. Не наигрывать. Ничего не изображать. Не демонстрировать: я артист! Быть таким, какой ты есть в обычной жизни. А перевоплощение — это вранье.

— Жизнь вас свела со многими великими артистами. Кто наиболее дорог?

— Паша Луспекаев. Он был гением, хотя таковым себя не считал. Он артист выше народного СССР, хотя умер простым заслуженным. И я горжусь тем, что способствовал его устройству на роль Павла Верещагина в «Белое солнце пустыни». Когда я прочитал в сценарии историю этого таможенника, сразу увидел — это он.

— Фильм «Женя, Женечка и «катюша», в котором вы сыграли, кажется удивительно легким, светлым. Съемки шли так же легко?

— Да, очень. Потому что был Олег Даль. А с ним всегда было очень легко! Я считаю, что был гораздо слабее Даля как актер. Но когда с ним работал — я был

несколько не слабее. Понимаете, он так тебя спросит, так к тебе обратится, что ты заговоришь именно так, как нужно! И поднимешься до его уровня. Поразительная направленность, точность. А его потрясающее обаяние, индивидуальность!.. Вот берешь сегодня журнал «Панорама», на первой полосе — так называемые звезды. Запомнишь хоть одну из этих звезд? Нет, все на одно лицо. А Даля один раз увидишь — и больше ни с кем никогда не спутаешь...

— А каково вам было в роли командира, военного?

— Легко. Я отслужил в армии — отработал четыре года. Знал офицеров, которые воевали. Тем более военная тематика была мной любима. Я играл себя.

— Войну вы пережили мальчишкой, в эвакуации. Как сами воспринимаете то время?

— У меня есть фильм «Расскажи мне о себе». Там снимались Виталий Соломин, Тамара Семина. Мы играли разведчиков. Я — старшина. Соломин — лейтенант. Она — санитарка. В одном из боев его убивают. И вот кончилась война, и мой герой ищет своих товарищей. Так же как и я ищу сейчас тех ребят, с кем прослужил четыре года. И вот он приходит к одному однополчанину, к другому, к третьему. Тот доит козу. Этот торгует. Она не приглашает в гости — муж не поймет. Нет контакта с людьми! Они собираются вдвоем с этой санитаркой в ресторане, и он говорит: «Слушай, а там лучше было...» Понимаете? Потому что честнее. Отношения откровеннее! Все были одинаковы. Вот это для меня лучшая иллюстрация того времени.

ЗАКАЛКУ ДАЛА ДЕРЕВНЯ

— Георгий Антонович, вы живете в Петербурге практически всю жизнь. Есть ли у вас самые любимые, памятные места?

— Кировский проспект и Кировский мост — я родился здесь. Васильевский остров. Невский проспект. Когда мы из театра с женой после спектакля выходим, я всегда прошу: «Давай по Невскому поедем». Восхищаюсь этой красотой каждый раз...

— Вам исполняется 83. Вы продолжаете играть. Хорошо выглядите. Каким-то образом следите за здоровьем?

— Думаю, это закалка с детства. Во время войны я жил в эвакуации в деревне, в Башкирии, где четыре года занимался непосильным трудом. От этого, наверное, и не вырос — родители оба выше меня. Стоял за сохой, которую тянули шесть-семь женщин. Сеял. Укладывал сено. Пилил бревна. Ел пищу незаразную. Собирал малину — приносил каждый день по ведру: когда вернулся в Питер, ходил косолапый, согнутый. Это то, что у нас забрали, — сельское хозяйство! Все шло оттуда, из деревни. И таланты шли из деревни. В Финляндии, например, почему живут долго? Потому что они близки к природе. Никогда ни куст не изломают, ни травинку не вырвут. Такое отношение очень близко и мне. Все свободное время сегодня я стараюсь провести на природе.